

Северин Гранин

Александр Охотко

18+

Александр Охотко
Северин Гранин

«Автор»

2026

Охотко А.

Северин Гранин / А. Охотко — «Автор», 2026

Образ идеального мужчины, который раз за разом встречается лицом к лицу с Её Величеством Вселенной и раз за разом подтверждает гордое звание своего вида- HOMO SAPIENS. Северин Гранин — это уникальный философско-боевой конструкт, где аналитическая холодность Аристотеля и Шерлока Холмса сливается с хирургической грацией Леонардо и дзен-осознанностью Бодхидхармы, непробиваемый взгляд Штирлица и тактика Мусаси с Сунь-цзы подчинены неумолимой воле Цезаря и абсурдному бунту Сизифа, а ницшеанская свобода сверхчеловека и стоицизм Марка Аврелия служат единственной цели: нести на своих плечах тяжесть Атланта и молчаливое сострадание Бодхисаттвы.

© Охотко А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЭПИГРАФ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александр Охотко Северин Гранин

ЭПИГРАФ

AMOR FATI!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ

Боль — это не враг. Враг — это интерпретация боли.

Когда нервный импульс, рожденный в разрушенной плоти, несется по миелиновым оболочкам к таламусу, он несет лишь один сигнал: изменение состояния ткани. Это просто информация. Сухая, беспристрастная телеграмма от периферии к центру. Обычный человек превращает эту телеграмму в крик. Он накладывает на нее страх смерти, жалость к себе, ужас перед будущим. Он тонет в эхо своих собственных ощущений.

Но если отделить сигнал от шума, если снять с него эмоциональную шелуху, боль становится просто еще одним измерением пространства. Она становится архитектурой. В ней можно жить. В ней можно работать.

Нужно лишь перестать быть жертвой своего тела и стать его архитектором.

ГЛАВА 1

Запах измельченного бетона и меди был густым, почти жевательным. В воздухе висела пыль, медленно оседая на осколки арматуры, торчащие из разрушенного пола подвала, словно ребра доисторического зверя.

В углу, придавленный рухнувшей плитой перекрытия, хрипел и дергался Плаксин. Его правая нога была скручена под неестественным углом. Плаксин не просто кричал — он издавал звуки, которые рвали горло, высокие, визжащие, на грани разума. Его глаза были белыми, пальцы царапали бетон до крови, ломая ногти. Он тратил кислород. Он тратил адреналин. Он уходил в шок, проваливаясь в черную дыру собственной паники.

В трех метрах от него, прислонившись спиной к несущей колонне, сидел он, Северин Гранин.

Его левое бедро было пронзено насквозь рваным куском гофрированной арматуры. Метр ржавого железа входил в мышцу под коленом и выходил у самой паховой складки, в миллиметрах от бедренной артерии. Кровь не текла ручьем — артерия была цела, но мышечные волокна и надкостница были разорваны в клочья.

Его лицо было серым. Капли пота, крупные и холодные, стекали по вискам, не нарушая тишины. Он не стонал. Его челюсти были сжаты так, что жевательные мышцы ходили ходунком, а в правом углу рта, там, где он прикусил собственную кожу, проступила черная капля запекшейся крови.

Анализ.

Объект: левое бедро. Перелом большеберцовой кости. Повреждение мягких тканей. Кровопотеря: умеренная, но критическая при изменении давления.

Угроза: арматура работает как якорь. При любой попытке сдвинуться или вытащить Плаксина, металл разрежет сосуды. Смерть через три минуты.

Он посмотрел на Плаксина. Тот забился в конвульсиях, пытаясь оттолкнуть плиту, которая весила не меньше трехсот килограммов.

— Помоги! Боже, помоги, мне больно, она ломается, боже! — Плаксин захлебывался слюной.

Он моргнул. Один раз. Медленно.

Его парасимпатическая нервная система, тренированная годами жесточайшего биохакинга и медитаций, взяла верх над симпатической. Сердцебице, которое должно было колотиться на пределе в 180 ударов, принудительно замедлилось до 90. Дыхание ушло в диафрагму. Вдох на четыре счета. Выдох на четыре.

Боль была ослепляющей. Она пульсировала в бедре раскаленным железом, требуя внимания, требуя, чтобы он завыл, чтобы он потерял сознание и отключил этот ад. Он позволил боли быть. Он не боролся с ней. Он просто отвел ее в сторону, как отводят взгляд от слишком яркого солнца, чтобы рассмотреть детали вокруг.

Решение.

Он не стал подниматься. Движение могло сместить арматуру. Он медленно, с хирургической точностью, растянул ремень. Пальцы, покрытые пылью и чужой кровью, не дрожали. Ни на миллиметр. Он протянул руку к своему бедру.

Металл был холодным. Он обхватил его левой рукой. Правой рукой он затянул ремень выше раны, просунул в петлю обломок доски и начал закручивать.

— Э-эй... эй, ты чего... — Плаксин, сквозь пелену истерики, заметил его движения. — Ты... ты вытащишь? Ты сдохнешь!

Он не ответил. Слова требовали воздуха, а воздух нужен был для мышц.

Он закручивал ремень до тех пор, пока кожа выше жгута не стала багровой, а венозное кровотечение из раны не прекратилось. Нога ниже колена начала неметь. Это было хорошо. Ишемия снижала болевой шок.

Затем он посмотрел на арматуру. Чтобы освободить Плаксина, ему нужно было встать и использовать обломок балки как рычаг. Но чтобы встать, металл должен выйти из кости. Кость была заклинила его. Вытащить его означало содрать надкостницу и разорвать последние уцелевшие мышечные тяжи.

Боль будет абсолютной. Нейрогенный шок вероятен на 80%. Требуется диссоциация.

Он уперся затылком в бетон. Посмотрел в потолок, где сквозь трещину пробивался тусклый, серый свет дождя. Он нашел трещину в бетоне, проследил ее извилистый путь, зафиксировал на ней взгляд. Якорь для сознания.

Он сжал арматуру обеими руками. Уперся здоровой ногой в пол.

И потянул.

Звук был тихим, влажным и хрустящим. Металл пошел вверх. Надкостница сдиралась с кости, как мокрая бумага.

В этот момент вселенная сузилась до точки. Боль не просто вошла в него — она стала им. Мозг заорал, требуя отключить рубильник, требуя потерять сознание. Перед глазами поплыли черные и красные круги. Тошнота подступила к горлу.

Но он не отключился. Его внутренний голос, холодный и отстраненный, как голос диспетчера в башне управления, произнес: Связка повреждена. Кость треснула. Держи диафрагму. Вдох. Выдох.

Он тянул. Дюйм. Еще дюйм. Зубы щелкнули, и он почувствовал вкус меди — он раскусил внутреннюю сторону щеки до мяса. Кровь потекла по подбородку, капая на грудь.

С хрустом, похожим на выстрел, арматура выскользнула из его ноги и с лязгом упала на бетон.

Из раны хлынула темная, венозная кровь. Он тут же, не меняя позы, перехватил жгут, затянул его еще на одну дырку и прижал ладонь к ране, перекрывая кровотечение давлением.

Он сидел еще десять секунд. Позволяя организму адаптироваться к новому уровню болевого шока. Его лицо было мертвенно-бледным, глаза ввалились, но взгляд оставался кристально чистым. Он улыбнулся краем рта, разрывая прилипшую к зубам кожу.

Затем Гранин встал.

Нога не держала. Он перенес вес на правую, взял в руку обломок стальной балки. Хромым, но абсолютно ровным шагом, без единой гримасы на лице, он подошел к Миллеру.

Плаксин замолчал, увидев его. Увидел кровь, пропитавшую штаны до самого ботинка. Увидел кусок мяса, свисающий с его ноги. Плаксин открыл рот, но не издал ни звука. Страх перед чужой, молчаливой болью оказался сильнее его собственной истерики.

— Держи, — голос его был тихим, хриплым, но твердым, как камень. Он сунул Плаксину в руку обломок балки. — Когда скажу, дави вниз.

Он встал по другую сторону плиты. Просчитал угол. Точку опоры.

— Тяни.

Плаксин дернул. Он одновременно надавил на балку всем весом своего тела, используя бедро как рычаг. Плита приподнялась на пять сантиметров.

— Вытаскивай ногу.

Плаксин, рыча от боли, выдернул ногу. Он рухнул на спину, хватая ртом воздух.

Он отпустил балку. Плита с глухим стуком опустилась обратно.

Он не стал помогать Плаксину вставать. Он знал: если Плаксин сейчас встанет, он снова начнет кричать и впадет в шок. Ему нужно дать время осознать, что он жив.

Он развернулся и хромя пошел к углу, где стоял его рюкзак. Каждое движение отдавалось в бедре тупым, раскаленным гвоздем. Он сел на ящик. Достал из рюкзака индивидуальный перевязочный пакет.

Его руки, которые минуту назад вытаскивали металл из собственной кости, теперь двигались с пугающей, ювелирной грацией. Он вскрыл упаковку зубами. Расправил стерильную салфетку. Не глядя на рану, он нащупал края разрыва, ввел туда тампону, чтобы остановить капиллярное кровотечение, и начал методично, виток за витком, наматывать бинт, затягивая его зубами и левой рукой.

Плаксин, лежа на полу, смотрел на него, и его челюсть отвисла.

— Ты... ты как... ты же не кричал. Ты же... ты же просто...

Он закончил бинтовать ногу. Застегнул булавку. Только теперь он позволил себе выдохнуть. Длинный, дрожащий выдох, который забрал из легких весь накопившийся углекислый газ.

Он посмотрел на Плаксина. В его глазах не было ни гордости, ни сострадания, ни осуждения. Только спокойное принятие факта.

— Твоя кость сломана. Артерия цела. Не двигайся. Я вызову эвакуацию, когда выберусь на связь.

Он достал из бокового кармана рюкзака плоскую флягу. Открутил крышку. Налил немного воды в алюминиевый стаканчик.

Вода была теплой, отдавала металлом. Он поднес стаканчик ко рту.

В этот момент его левая рука, та, что сжимала арматуру, предательски дрогнула. Стаканчик звякнул о зубы. Вода расплескалась по подбородку, смешиваясь с кровью.

Это был единственный сбой. Микроскопическая трещина в броне. Мышцы, лишённые гликогена и измученные адреналиновым откатом, начали сдавать. Боль, которую он так старательно загнал в подвал своего сознания, начала стучаться в дверь.

Он опустил стаканчик. Посмотрел на капли воды, падающие на пыльный бетон.

Amor Fati, — подумал он. Люби свою судьбу. Люби эту боль. Она означает, что нервы работают. Что ты жив.

Он не стал вытирать лицо. Он просто сделал еще один глоток, чувствуя, как прохладная вода стекает по пищеводу, контрастируя с огнем в бедре. Он закрыл глаза на секунду, слушая, как Плаксин тихо плачет от боли и облегчения, как за стенами подвала шумит дождь, смывающий кровь и пыль этого мира.

Он открыл глаза. Взгляд был ясным. Боль была здесь. Но он был больше, чем боль.

ГЛАВА 2

День шестой.

Голод прошел стадию острой, жгучей боли еще на третьи сутки. Теперь это было не чувство, а состояние среды. Он ощущал его как постоянное, фоновое напряжение в области диафрагмы, как будто кто-то туго затянул на его внутренних органах ремень из тонкой проволоки.

Анализ состояния.

Гликоген в печени исчерпан полностью. Организм перешел на кетоз, расщепляя жировые запасы. Поскольку жировая прослойка минимальна, начался катаболизм мышечной ткани. Базовая температура тела снижена до 35.8. Пульс: 52 удара в минуту. Когнитивные функции: сохранены. Эмоциональный фон: ноль.

Северин Гранин сидел, прислонившись спиной к холодной, ржавой обшивке перевернутого транспортного контейнера. Пыль пустыни, мелкая как тальк, оседала на его ресницах. Он не стряхивал ее. Каждое движение требовало энергии, а энергия была валютой, которую он больше не имел права тратить на пустяки.

В трех метрах от него, скорчившись в позе эмбриона, лежал Обжоркин.

Обжоркин умирал от голода быстрее, потому что позволил биологии взять верх над разумом. Его глаза, ввалившиеся в почерневшие орбиты, лихорадочно блестели. Он не спал. Он уже вторые сутки не спал, боясь, что пока он спит, Его напарник съест их последний, микроскопический запас. Обжоркин тихо, почти беззвучно чавкал, пережевывая кусочек собственной щеки изнутри. Его пальцы, покрытые слоем серой грязи, дрожали, перебирая края куртки.

— Ты прячешь, — вдруг хрипло произнес Обжоркин. Голос его звучал как трение наждачной бумаги о сухое дерево. Слюны во рту не было уже сутки.

Он не ответил сразу. Он медленно, на счет «четыре», выдохнул через нос, чтобы минимизировать потерю влаги, и только затем открыл глаза.

— У меня нет, — сказал он. Голос был тихим, ровным, лишенным каких-либо интонаций. Это была не защита и не оправдание. Это была констатация факта, подобная утверждению, что камень твердый, а вода мокрая.

— Врешь, — Обжоркин дернулся, его лицо исказилось в гримасе, в которой сплелись ужас, паранойя и первобытная, животная ярость. Инстинкт самосохранения, загнанный в угол депривацией, требовал найти врага. И самым логичным врагом был тот, кто сохранял спокойствие. — Ты сожрал... пока я отключился... Ты думаешь, я не вижу, как ты глотаешь?

Обжоркин рванулся вперед. В его правой руке блеснул осколок зеркала, который он использовал вместо ножа. Движение было хаотичным, рваным, полным отчаяния.

Время реакции Его составила нулевую точку две секунды.

Он не вскочил. Он не отпрянул. Его тело просто изменило геометрию. Правая рука, до этого неподвижно лежавшая на колене, скользнула вперед с пугающей, хищной плавностью. Его пальцы сомкнулись на запястье Обжоркина.

Он не сжимал руку с силой. Он просто нашел точку, где сухожилия сгибателей пересекались с нервными пучками, и надавил большим пальцем.

Обжоркин ахнул. Пальцы разжались. Осколок зеркала беззвучно упал в пыль.

— Отпусти, — прошипел Обжоркин, но в его глазах уже не было ярости. Там был животный страх перед тем, кого он не мог понять.

Он смотрел на него. Его взгляд был тяжелым, спокойным и абсолютно прозрачным. В этом взгляде не было ни осуждения, ни презрения, ни жалости. Он смотрел на Обжоркина так, как смотрят на сломавшийся механизм, который нужно либо починить, либо обойти.

— Твой организм потребляет собственные мышцы, — произнес Он, не отпуская запястье. — Адреналиновый всплеск от этой атаки сжег около сорока килокалорий. Это ускорит отказ твоих почек на шесть часов. Отпусти мою руку. Я отпущу твою.

Обжоркин замер. Дрожь в его теле перешла в мелкую, неконтролируемую лихорадку. Он медленно, покорно кивнул.

Он разжал пальцы. Обжоркин тут же подтянул руку к груди, пряча ее в складках куртки, и снова свернулся в клубок, тихо застонав.

Гранин опустил руку на колено. Внутри, где-то в районе солнечного сплетения, он почувствовал микроскопическую вспышку раздражения — древний, животный отклик на агрессию сородича. Он заметил эту вспышку, зафиксировал ее, как фиксируют помеху на радаре, и мысленно отключил. Раздражение было биохимическим шумом. Шум не имел права влиять на навигацию.

Он перевел внимание на свои руки. Они были покрыты слоем пыли и грязи, кожа на тыльной стороне ладони начала шелушиться от обезвоживания. Из внутреннего кармана он достал флягу.

Во фляге оставалось ровно три глотка воды. На двоих.

Он открутил крышку. Движения его пальцев были ювелирными, выверенными с точностью часового мастера. Он не пролил ни капли. Он поднес флягу ко рту, сделал один микроскопический глоток, позволяя влаге просто увлажнить слизистую, не глотая. Затем он закрыл флягу и протянул ее Обжоркину.

— Пей, — сказал он. — Два глотка. Третий оставь на утро.

Обжоркин жадно выхватил флягу. Его руки тряслись так сильно, что вода расплескалась по ржавому металлу. Он пил мелкими, судорожными глотками, захлебываясь, глаза его были закрыты, а по грязным щекам текли не слезы — на слезы уже не хватало влаги.

Он смотрел на него, контролируя процесс. Когда Обжоркин закончил, Гранин забрал флягу, вытер горлышко чистой стороной рукава и убрал ее обратно.

Затем он достал из кармана свой тактический нож.

Лезвие было чистым, но на рукояти, в микротрещинах текстурного пластика, скопилась пыль и соль от пота. В нормальных условиях он бы не обратил на это внимания. Но сейчас, когда мир сузился до размеров этого контейнера, до размеров его собственного тела, микробы стали его якорем. Дзен в мелочах.

Он сложил нож, обнажив вращающийся-механизм. Достал из другого кармана крошечную щеточку для чистки.

Вдох. Четыре секунды. Выдох. Четыре секунды.

Щетинки вошли в паз. Он начал методично, круговыми движениями вычищать грязь. Скрежет был тихим, почти ласковым. Он не думал о том, что завтра они, возможно, не смогут идти дальше. Он не думал о том, что его желудок сейчас пытается переварить сам себя. Он думал о том, что пыль, попавшая в подшипник ножа, может привести к коррозии, если влажность повысится.

Он чистил нож с абсолютной, тотальной вовлеченностью. В этом действии не было никакого утилитарного смысла для выживания в следующую минуту. Но в этом действии был порядок. А порядок был единственным, что противостояло энтропии вселенной.

Обжоркин, наблюдая за ним сквозь полуопущенные веки, перестал дрожать. Ритмичный, спокойный звук чистки действовал как гипнотический маятник. Парадоксальным образом, эта бессмысленная, эстетичная точность в аду пустыни успокаивала его психику больше, чем любые слова утешения. Рядом с человеком, который чистит нож в шестой день голода, мир не мог окончательно рухнуть.

Солнце начало садиться, окрашивая ржавые стенки контейнера в цвет запекшейся крови. Температура мгновенно, как по команде, начала падать. Пустыня отдавала накопленное тепло в космос.

Гранин убрал нож. Щелчок замка прозвучал как выстрел в сгущающейся тишине.

Он закрыл глаза. Холод начал проникать под одежду, цепляясь за кожу липкими, ледяными пальцами. Его тело инстинктивно хотело начать дрожать, чтобы генерировать тепло. Но дрожь сжигает глюкозу.

Запрет, — отдал он команду своей нервной системе.

Он начал практику туммо. Он представил, как в его солнечном сплетении разгорается крошечная, но невероятно плотная искра. Он не визуализировал огонь — это требовало слишком много нейронных ресурсов. Он просто перенаправил кровоток, сузив периферические капилляры и направив теплую кровь к жизненно важным органам. Его кожа стала ледяной на ощупь, но внутри, в самом ядре его существа, он сохранял тепло.

Наступила ночь. Небо над пустыней раскрылось, усыпанное миллиардами звезд. Они были холодными, жесткими и абсолютно равнодушными.

Обжоркин уже спал, или был в полубреду, тихо стонущий во сне.

Гранин сидел с открытыми глазами, глядя в Млечный Путь. Голод теперь был не болью, а прозрачностью. Ему казалось, что его тело стало невесомым, что граница между его кожей и холодным ночным воздухом стерлась.

Если завтра не будет воды, к вечеру седьмого дня начнется делирий. К утру восьмого — отказ почек. Смерть наступит между девятым и десятым днем.

Он принял этот расчет. Без страха. Без торга.

Он посмотрел на звезды. Они были красивы. Эта красота не имела ничего общего с человеком. Вселенная не знала о его существовании, ей было абсолютно все равно, выживет он или умрет, очистит он свой нож или оставит его в грязи.

И в этом абсолютном, тотальном равнодушии космоса он нашел высшее утешение. Ему не нужно было ничего доказывать. Ему не нужно было бороться с миром. Мир просто был. И он просто был в этом мире.

Amor Fati, — мысленно произнес он, чувствуя, как ледяной воздух заполняет легкие. Люби свою судьбу. Даже если она заканчивается здесь, в ржавом ящике, в пыли.

Он улыбнулся. Уголки его потрескавшихся губ дрогнули, и из трещины выступила крошечная, темная капля крови. Он не вытер ее.

Он просто продолжал дышать. Вдох. Четыре секунды. Выдох. Четыре секунды.

Абсолютный штиль в центре урагана.

ГЛАВА 3

Поезд «Воркута — Москва» полз сквозь уральскую тайгу, и стук колес был единственным законом этого замкнутого пространства. За окном, в черном стекле, метель лепила из снега белые штрихи, стирая границу между ночью и миром.

В полумраке вагона пахло пылью, дешевым чаем и влажной шерстью. Северин Гранин сидел у окна, на откидном столике. Перед ним стоял открытый стальной термос, от которого поднималась тонкая струйка пара. В левой руке он держал зеленое, кислое яблоко. В правой — сложенный нож с коротким, толстым клинком из углеродистой стали.

Он чистил яблоко.

Лезвие входило под кожицу с едва слышным, сухим шорохом. Северин не смотрел на нож. Его взгляд был расфокусирован, устремлен в темное окно, но пальцы правой руки двигались с пугающей, ювелирной автономией. Кожура спадала одной непрерывной, тонкой красной лентой, закручиваясь спиралью. Движение было ритмичным, синхронизированным с ударами колес. Вдох на два счета. Выдох на два.

Это был абсолютный дзен в микро-быту. В этом действии не было утилитарного смысла — яблоко можно было просто помыть. Но в этой тотальной, хирургической концентрации на трении стали о фрукт, в контроле над каждым микронным слоем кожицы, он заземлял свою психику. Порядок в малом был якорем, не дающим улететь в энтропию большого.

Напротив него, в кресле у прохода, спал мужчина в мятом костюме, периодически всхлипывая носом. Через ряд, прижав к себе ребенка, дремала женщина. Обычные люди. Их ауры были пропитаны усталостью, мелкими бытовыми тревогами, страхом опоздать, страхом заболеть. Они были теплыми, уязвимыми и живыми.

Дверь в тамбур не открылась. Она дернулась.

Звук был неправильным. Не автоматический шипение пневматики, а глухой, металлический скрежет.

Северин не поднял глаз. Его периферическое зрение, тренированное годами, уловило изменение геометрии пространства. В проходе появились трое.

Мозг Северина не задал вопроса «кто они?». Мозг мгновенно перешел в режим структурного анализа.

Объект 1: центральный, вес около 90 кг, правая рука внутри куртки, вес тела смещен на носки. Объект 2 и 3: фланги, дистанция три метра, закрытые стойки.

Воздух в вагоне изменился. Исчез запах дешевого чая. Появился резкий, кисловатый тон машинного масла, пота и озона. Это был запах хищников, которые пришли не в вагон, а на бойню.

Центральный посмотрел на спящего мужчину в костюме. Затем его взгляд скользнул по вагону и остановился на Северине. В этом взгляде не было злобы. Была только холодная, профессиональная оценка: свидетель. Устранить.

Правая рука центрального начала выдергиваться из-за пазухи. Ствол с глушителем. Время до выстрела — 0.8 секунды.

У Северина не было фазы «замри». Не было всплеска адреналина, который сужает зрение и превращает человека в паникующую обезьяну. Его симпатическая нервная система просто переключила регистр. Время не замедлилось — это была иллюзия. Просто его когнитивная скорость обработки данных обогнала реальность.

Яблочная кожура, наконец, оторвалась от плода и упала на столик.

В ту же миллисекунду Северин ударил ногой по ножке откидного столика. Столик сложился, подбросив вверх тяжелый, пол-литровый стальной термос. Северин не стал его ловить.

Он перехватил термос в воздухе, разворачиваясь всем корпусом, и с чудовищной, хлесткой силой плеснул кипятком прямо в лицо центральному.

Выстрел глушителя прозвучал как резкий кашель. Пуля, предназначенная для лба Северина, ушла в потолок, выбив фонтанчик пластиковой обшивки.

Центральный заорал, хватаясь за ошпаренные глаза. Северин уже был в движении. Он не вставал из-за стола — он перекатился через него, используя инерцию собственного тела. В правой руке все еще был зажат нож.

Объект 2, стоявший слева, успел отступить на шаг, вытаскивая короткий клинок. Это была ошибка. Он дал дистанцию.

Северин не пытался блокировать нож. Он вошел в ближнюю зону, ныряя под траекторию удара. Его левая рука, тяжелая и жесткая, как дубинка, ударила основанием ладони в локтевой сустав противника. Раздался сухой хруст. Пока Объект 2 разжимал пальцы от боли, Северин нанес удар ножом. Не в грудь — броня или плотная куртка могли сработать. Лезвие вошло под ключицу, точно в подключичную артерию, и тут же вышло.

Кровь хлынула черным фонтаном в тусклом свете вагона. Объект 2 сложился пополам, захлебываясь.

Объект 3, стоявший у двери, замер. Это была та самая фатальная микросекунда, когда мозг не может решить: стрелять, бежать или помогать напарнику.

Северин не дал ему времени на выбор. Он выпрямился, используя тело падающего Объекта 2 как щит, и метнул тяжелый стальной термос. Термос, залитый наполовину кипятком, с глухим стуком ударил Объекта 3 в переносицу. Хруст носовой кости. Голова откинулась.

Прежде чем Объект 3 успел упасть, Северин закрыл дистанцию. Он обхватил его шею левой рукой, заводя предплечье под челюсть, и провел удушающий прием. Не грязный боксерский захват, а точное, анатомическое сдавливание сонных артерий. Правой рукой, в которой все еще был окровавленный нож, он прижал голову противника к своему плечу, фиксируя шейные позвонки.

Объект 3 дернулся, пытаясь ударить локтем назад, но его мышцы уже начинали отключаться от нехватки кислорода. Через девять секунд его тело обмякло. Северин уложил его на пол, не разжимая рук еще три секунды, чтобы гарантировать потерю сознания, а затем отпустил.

Общая длительность контакта: 4.2 секунды.

Вагон погрузился в тишину, нарушаемую лишь шипением пробитого потолка, стоном ошпаренного центрального и ритмичным стуком колес.

Мужчина в мятом костюме проснулся. Он увидел кровь на стенах, увидел тела и увидел Северина, который стоял посередине прохода. Мужчина открыл рот, но из его горла не вырвалось ни звука. Его лицо стало серым, глаза остекленели от первобытного, животного ужаса. Женщина в углу тихо, пронзительно завывала, прижимая ребенка к себе так сильно, что тот начал синеть.

Они смотрели на него не как на спасителя. Они смотрели на него как на чудовище, которое только что демонстрировало, насколько хрупок их мир. Контраст был абсолютным: их паника, их слезы, их запах страха — и его неподвижность.

Северин не смотрел на них. Его парасимпатическая система уже брала верх. Он сделал глубокий, диафрагмальный вдох. Выдох. Пульс начал замедляться, возвращаясь к базовым 60 ударам в минуту.

Он посмотрел на свою правую руку. Кровь Объекта 2 медленно стекала по рукояти ножа, капая на линолеум. Он нажал на фиксатор, и клинок с тихим щелчком ушел в рукоять. Он достал из кармана чистый, сложенный вчетверо носовой платок и методично, без единого лишнего движения, вытер сталь. Платок стал багровым. Северин аккуратно сложил его и убрал в отдельный карман.

Затем он подошел к своему столику. Яблоко все еще лежало там, идеально очищенное, но теперь его белая мякоть начала быстро окисляться, покрываясь ржавым налетом. Рядом лежала тонкая, красивая спираль красной кожуры.

Северин сел. Он взял яблоко. Отломил кусочек и положил в рот.

Вкус был кислым, терпким, с едва уловимой нотой железа.

Он посмотрел в разбитое окно. Сквозь трещину в стекле в вагон проникал ледяной, колючий ветер тайги. Снег залетал внутрь, таял на его рукаве, превращаясь в воду.

В этот момент, глядя на бесконечную, черную пустоту за окном, он почувствовал то самое. Не гордость за выживание. Не жалость к убитым. Не страх перед тем, что придет полиция.

Он почувствовал абсолютное, тотальное равнодушие вселенной.

Там, за стеклом, не было ни добра, ни зла. Не было справедливости. Был только холод, ветер и энтропия, которая медленно перемалывала все сущее в пыль. Эти трое пришли убивать. Он убил их. Это не было победой света над тьмой. Это была просто физика. Столкновение масс, ускорений и воли.

И в этом осознании он нашел свой покой. Ему не нужно было быть святым. Ему не нужно было спасать мир. Мир не нуждался в спасении — он нуждался в порядке. В локальном, хрупком порядке, который он мог поддерживать здесь и сейчас, на этом пятачке пространства, пока ветер не стер и его.

Северин откусил еще кусочек яблока. Жевал медленно, чувствуя, как сок обжигает язык.

Он достал часы. Стрелки показывали 03:14. Поезд продолжал свой путь сквозь ночь, увозя его дальше, в холодное, безразличное утро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.